

Марина
СЕРОВА

Хирург Дьявола

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Хирург дьявола

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Хирург дьявола / М. С. Серова — «Эксмо», 2020 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-107863-8

Возле собственного дома убит известный в городе сосудистый хирург Слепнев. По словам близких, зла ему никто не желал и врагов у врача не было. Тем не менее его лучший друг и давний коллега Колесников явно чего-то боится. Но рассказывать о своих страхах он не намерен даже частному детективу Татьяне Ивановой, которую нанимают для поисков убийцы Слепнева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107863-8

© Серова М. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Хирург дьявола

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Илья Петрович Афиногенов стоял в стороне от встречающих. Прилетевшие рейсом Санкт-Петербург – Лондон пассажиры вот-вот должны были появиться в коридоре, ведущем из зала прилета. В руках у него не было таблички с именами тех, кого он ждал, – он не был уверен, но надеялся, что его узнают и без нее.

Он устал. Отпахав ночную смену, оказавшуюся очень беспокойной, Илья Петрович должен был уже пару часов спать в своей квартире, обнимая Лизу, которая тоже трудилась этой ночью. Обычно Илья Петрович даже не ел после работы, стараясь не перегружать организм. В редких случаях мог позволить себе чай с бутербродом, не более. Да и не хотелось, если честно. Тело требовало отдыха, и только сон мог избавить его от физической усталости и картинок с изображениями распоротых человеческих тел, которые часто застревали в памяти.

Но сегодня все было иначе. Он собрался, настроился и после работы, заскочив домой на полчаса, чтобы принять душ и переодеться, взял такси и поехал в аэропорт.

Он все предусмотрел заранее. Договорился с Пэркинсом о двух выходных, потому что понимал – ребят не получится в первые дни оставить без присмотра. Пусть здесь красиво, удивительно, обустроено, пусть по мостовым ступали ноги великих королей, а Темза дарит нежные поцелуи набережной, вдоль которой вытянулось застывшее здание Парламента, но все это сейчас никак не поможет тем, кого он встречал. Кто-то должен был гасить их восторги.

В руках Афиногенов держал два стакана с горячим чаем, которые купил уже в Хитроу. Ему не терпелось поскорее увидеть тех, которые, как он полагал, теперь будут ему по гроб жизни обязаны.

Из коридора показались первые пассажиры. Не спеша потянулись друг за другом, вскидывали руки в приветствиях, обнимались. Кто-то из прилетевших выглядел усталым, кто-то топал с бодрым видом. Илья Петрович подошел ближе к ограждению.

Он увидел их раньше, чем они заметили его.

– Андрей! Сережа! – крикнул он, но ни первый, ни второй его не услышали. Как он и думал, им было не до того – уж слишком много эмоций и впечатлений на них обрушилось. И это ведь они еще город не видели.

– Слепнев, Колесников! – повысил голос Илья Петрович. – Я на девять часов, эй!

Услышав свои фамилии, произнесенные очень знакомым голосом, Андрей Слепнев и Сергей Колесников наконец опомнились и одновременно повернули головы в сторону Афиногенова.

– Здравствуйте! – расплылся Андрей, подходя к нему. – А вот и мы.

– Вижу, – улыбнулся Афиногенов. – Рад видеть. Ну как? Вы-то сами в порядке?

Он рассматривал их, а в голове уже выстраивалось: куда их сначала везти, какой дорогой, о чем предупредить, что рассказать. Ехать можно было или сразу на работу, или сначала в квартиру, ключи от которой лежали у Афиногенова в кармане. Был еще и третий вариант – завалиться в паб, взять по пинте темного, и там, не сдувая пену, уже обо всем поговорить.

– Так, – сказал Афиногенов, когда радость от встречи слегка улеглась, – предлагаю сначала решить вопросы с работой и проживанием. А потом все остальное. Я в клинике договорился, что мы начнем через два дня, прямо с понедельника. Вместе. Со мной проще будет, полагаю.

– Правильно полагаете, – согласился с ним Андрей. – Мы не против.

– Вам рулить, Илья Петрович, – поддержал друга Сергей. – Мы на все готовы.

– Если честно, я и сам сначала долго в себя приходил, – обвел взглядом терминал Афиногенов. – А теперь вот по привычке как-то. Да и времени на акклиматизацию не оставили, работать начал сразу же.

– Неужели ко всему *этому* можно привыкнуть? – удивился Андрей.

– Поверь мне, мой мальчик, – Илья Петрович по-отечески положил ему на плечо руку. – Поверь старому лекарю...

– У нас с вами разница в возрасте всего семь лет, – напомнил Илье Петровичу Сергей. –

И мы уже не в универе.

– Предлагаешь перейти на «ты»?

– А можно? – обнаглел Сергей. Все это время Слепнев с восхищением смотрел на друга.

– Забываешься, – холодно оборвал его Афиногенов.

От этих слов Колесников похолодел. Не хватало все испортить, еще не ступив на английский асфальт.

– Успокойся уже, – рассмеялся Илья Петрович. – В каком-то смысле ты прав. «Выкатать» мы могли во время учебы, сейчас же это время прошло. И да, я не намного старше... Но советую все же держать дистанцию. Хотя бы первое время.

Колесников прикусил язык. Шутка могла обернуться проблемой.

– Пошли отсюда, – улыбнулся Афиногенов. – Получим ваш багаж, а потом вон в ту дверь – на свободу. Такси сюда не придет. Не поверите, но для этого нужно выйти на улицу. И заберите свой чай наконец.

Илья Петрович отвез будущих коллег в клинику, где их уже ждал заведующий отделением неотложной помощи Джошуа Пэркинс. После непродолжительного собеседования, во время которого Афиногенов поработал и протесте юных специалистов, и их же переводчиком, Пэркинс сообщил двум взволнованным молодым хирургам, что он будет рад разделить с ними все тяготы, которые им подбрасывает местное здравоохранение. Сообщил, что они будут работать в смене со своим соотечественником Ильей Афиногеновым. По его же просьбе. И тот факт, что Афиногенов станет присматривать за ними на первых порах, несомненно, в хорошем смысле скажется на качестве их работы – бригада врачей, как показал богатый опыт Пэркинса, говорящих на одном языке, выдает результаты на порядок выше тех, кто иногда так и не может договориться между собой.

Андрей Слепнев и Сергей Колесников подписали необходимые документы, получили по пластиковой оранжевой карточке-пропуску и, не чуя ног, покинули кабинет. Афиногенов же задержался, попросив ребят подождать его в коридоре.

– Ну, что скажешь? – обратился он к заведующему отделением неотложной помощи. – Как первое впечатление?

Илья Петрович работал в Лондоне уже четыре года. За это время он успел попробовать разные специальности; некоторые приходилось осваивать прямо на ходу. Он уже протестировал себя в неотложной хирургии, вел прием как терапевт, пару раз ассистировал дежурному офтальмологу и даже умудрился принять роды, начавшиеся у будущей мамочки прямо в автобусе. К моменту, когда роженицу доставили в палату, ребенок неистово рвался на волю уже два часа, времени на обследование не было, свободных врачей рядом тоже не оказалось. И пока не подоспела акушерская помощь, Илье Петровичу пришлось работать в прямом смысле между ног истошно матерящейся роженицы. В тот раз он справился в одиночку. Вышло у него блестяще.

– Ты не в претензии, что я сразу поставил их в неотложку? – спросил Пэркинс. – Они же в хирургию рвались, ты говорил?

– Не то чтобы рвались, но один из них абсолютно точно будет полезнее в операционной, чем в неотложке, – пояснил Илья Петрович. – Но мне они нужны рядом, да и тебе легче будет.

– На кого из них делаешь ставку? – решил уточнить Пэркинс.

– Слепнев. Светлые волосы, серые глаза. Сидел слева. Талантливый. Трудолюбивый. Все схватывает на лету. За него могу поручиться. За другого, впрочем, тоже.

– Запомню, – кивнул Пэркинс. – Но сначала все же пусть побудут в отделении экстренной помощи, прокачают стрессоустойчивость, понахватаются всякого. А потом уже привлекай. Разберешься. И английский... боже, Илья, какой же слабый у них английский!

– Это от волнения, – пояснил Афиногенов. – Дай людям расправить крылья, заговорят так, что не остановишь. Им нужно время. Вспомни меня.

– Главное, чтобы лишнего не болтали.

– Не будут. Я бы неумных и косоруких тебе не подсунул, – усмехнулся Афиногенов. – У меня же учились. А я, без ложной скромности... умею. Ты же не будешь спорить?

– Не буду.

– Обещаю следить за тем, чтобы не тянули в рот всякую гадость, – продолжил Илья Петрович. – Но ты все же присмотришься к обоим.

– А что со вторым? Как там его... – щелкнул пальцами Пэркинс.

– Сергей Колесников, – напомнил Афиногенов. – Плохо помню его слабые стороны. А это говорит о том, что они вряд ли есть. Слепнев и Колесников дружат с первого курса, я вел их группу весь учебный период. Толковые ребята. Со Слепневым приходилось чаще общаться, парень лез с вопросами, подсовывал какие-то научные статьи, ему было интересно выйти за рамки программы. Колесников же не сильно стремился расширять свои горизонты. Ему было достаточно того, о чем он узнавал на лекциях. Этакая рабочая лошадка, если ты понимаешь, о чем я. Скажем так: Слепнев, увидев порез на пальце, предложит пять способов обеззараживания раны, приплетет альтернативные методы лечения, сошлется на результаты новейших научных исследований, будет уговаривать лечь в стационар и пройти множество обследований, в том числе полный набор МРТ и анализ на генетические мутации, а на прощание пропишет пострадавшему постельный режим, курс антибиотиков, жесткую диету и смену места жительства из-за неблагоприятного климата.

У Пэркинса ни одна мышца лица не дрогнула.

– Надеюсь, ты не шутишь, – произнес он. – Ему бы в штат к королеве.

– Может, и до такого опустится, – ухмыльнувшись, пожал плечами Илья Петрович. – Но я бы не хотел его терять. Он мне нужен. Он нужен тебе.

– А что же второй? – снял очки Пэркинс. – Как он будет лечить порез?

– Он посоветует промыть рану водой с мылом и протянет вам пластырь.

– Однако. Какие разные подходы к решению проблемы.

– И оба будут правы, – развел руками Афиногенов. – Только пациенты тоже ведь разные попадают, согласись. Не каждый будет выполнять рекомендации врача. Так что оба они хороши, только каждый по-своему.

– Ладно, опекун, – подытожил Пэркинс. – Решили. Заселяй их, объясняй все, а в понедельник жду вас втроем в неотложке. Прямо с утра подойдете к дежурному, он все им объяснит, а там посмотрим. И скажи им, что их проживание клиника не будет оплачивать вечно. Пусть не сорят деньгами, которые у них появятся. Пусть будут готовы. У них есть семьи?

– Слепнев женат, имеет сына. Жена тоже медик, но из-за ребенка решила остаться в России, – ответил Афиногенов. – Не знаю, приедет ли к мужу. А вот Колесников как раз свободен. Но у него на родине остались родители. Насколько я в курсе, он не планирует их сюда перевозить.

Джошуа Пэркинс был врачом от бога. И психологом, каких поискать. За тридцать два года работы в клинике ему довелось пообщаться с множеством коллег, и с дилетантами в том числе. Став руководителем, он тщательно отбирал в штат специалистов и старался внимательно следить за каждым. Поэтому он с некоторой опаской отнесся к просьбе своего русского приятеля Ильи Петровича Афиногенова рассмотреть кандидатуры его бывших студентов. Получалось, что он был лишен возможности проверить обоих на знание своего дела до того, как примет их на работу. Но, по словам Афиногенова, это были врачи, которым просто была нужна

возможность проявить свои врачебные таланты и умения. На родине, заметил Илья Петрович, у них было маловато перспектив. К тому же они не мнят себя звездами, а это значит, что их устроила бы и невысокая заработная плата. Для начала. Это же удобно для клиники, разве нет?

Джошуа Пэркинс пораскинул мозгами и дал добро. Илья Петрович смог убедить его в том, что он не пожалеет о принятом решении. И Пэркинс решил рискнуть.

Афиногенов же подошел к ожидавшим его ребятам и сообщил им, что сейчас же покажет им клинику, а потом можно будет выдохнуть.

* * *

К десяти-одиннадцати часам вечера в главном корпусе становилось гораздо спокойнее, чем днем. Вновь прибывших пациентов к этому времени уже успевали осмотреть, переодеть, откалибровать по диагнозам, раскидать по палатам и оставить в относительном покое. Но «тяжелые» были всегда. Однако операционные и дежурные бригады хирургов держали руку на пульсе – могло случиться все, что угодно.

Рядом с главным корпусом находилось двухэтажное здание, давным-давно отданное под приемную. Отделение неотложки сформировалось тут же. Главный корпус и приемную соединял широкий коридор без окон, предназначенный для транспортировки пациентов. Со временем врачи стали пользоваться лифтом, удачно внедренным прямо в приемном отделении, и про коридор благополучно забыли. В отделении неотложной помощи постоянно кипела жизнь. Если, конечно, кто-то еще имел счастье прибыть сюда живым – скончавшихся на пути в клинику тоже было немало. Несложные операции проводились и в приемном покое, делались здесь и более серьезные вмешательства, но только если диагноз пациента не терпел отлагательств. Поставленная в карточке отметка «срочно» давала врачам приемного покоя абсолютное разрешение на спасение чьей-либо жизни в условиях, приближенных к полевым. Эта отметка сигнализировала о том, что времени на спасение жизни осталось в обрез. Ставить эту надпись на карточке пациента придумал основатель и самый первый владелец клиники профессор Эдвард Винтер, который благополучно отошел от дел, а заодно и в мир иной много лет назад в одной из палат главного корпуса. И какие бы перемены впоследствии ни коснулись этой клиники, сколько бы перестроек и ремонтов ни переживали корпуса, сколько бы душ населения ни приняли медики, но пометка «срочно», представлявшая собой красную галочку, которая ставилась в правом верхнем углу анкеты пациента, все так же, как и полвека назад, взывала о том, что этот пациент должен быть принят вне очереди.

Сразу же после разговора с Пэркинсом Афиногенов провел экскурсию по главному корпусу, попутно знакомя бывших студентов с теми, с кем им предстояло работать.

– Обычно приходится торчать в смене с одними и теми же, – объяснил он. – Сейчас как раз не наша смена. Но и этих людей нужно знать в лицо. Придется сталкиваться. Может, с кем-то подружитесь. Но, как показывает мой опыт, соединиться на века не получится. Вы навсегда останетесь рабочими из другой страны. Запомните это.

Слепнев и Колесников шагали за Ильей Петровичем, который, казалось, был в приятельских отношениях со всеми, кто встречался по пути. Уборщик помахал ему рукой из другого конца коридора. Медсестры кивали, едва его завидев. Врачи первого звена хлопали по плечу.

– А ты здесь на хорошем счету, Илюшенька, – не выдержал Слепнев. – Колись, чем взятки давал?

– Работал, как проклятый, не отказываясь от лишних смен в собственные выходные, – ответил Афиногенов. – Не задираю нос. Учился. Были моменты, когда и «утки» из-под пациентов выносил.

– А медсестры и санитары на что? – удивился Колесников. – Их рядом, что ли, не было?

К этому моменту они обошли все владения Пэркинса. На улице стемнело, а в неотложке началось «веселье», в чем очень скоро Сергею и Андрею предстояло убедиться на собственном опыте.

– Так, все вам показал заранее. Теперь сдергиваем форму и уходим. Предлагаю отметить ваш приезд, – сказал Афиногенов. – Тут за углом есть паб, открыт до двадцати трех.

– Всю жизнь мечтал побывать в настоящем английском пабе, – признался Слепнев.

– Тогда это твой шанс, – ответил Илья Петрович. – Есть пиццерия, там тоже можем посидеть. А есть продуктовый магазин, и если хотите немного сэкономить, а не утонуть в атмосфере в первый же день своего пребывания в Лондоне, то можно набрать там еды и отправиться к вам в квартиру. Она тут недалеко, кстати. Ключи у меня.

– И хата недалеко? – удивился Слепнев. – Слышь, Серег, пешком на работу ходить будем.

– Это радует, да, – отозвался Колесников. – Я лично выбираю паб. А потом я выбираю магазин.

– Ну, надо сначала все-таки заехать в новый дом, – твердо сказал Афиногенов. – Бросите там свои чемоданы, а потом, так и быть, в паб.

* * *

– Еще одна пинта пива, и я бегло заговорю по-английски, – заметил Андрей, опуская на стол пустой стакан. – Скажи, Илья Петрович, ты частенько здесь стресс снимаешь? Сделай признание, не бойся, мы же свои.

Афиногенов, который за два часа пребывания в пабе справился лишь с одним стаканом, внимательно посмотрел на Слепнева.

– Нет, – ответил он. – И тебе не советую. Расслабляться можно и другим способом.

– Каким это? – приподнял бровь Колесников.

– Пробежка в парке, – ответил Афиногенов. – Очень хороший способ снять напряжение. Или уезжаю с фотоаппаратом куда подальше, фотографирую красивые места. Девушка за рулем, а я с камерой.

– Так ты не один живешь? – спросил Слепнев.

– Нет, – покачал головой Афиногенов, – не один. Если по-нашему, то я живу в гражданском браке. Работает, кстати, она со мной. Регистрирует поступивших в неотложку или ассистирует врачу.

– А как ее зовут? – поинтересовался Колесников.

– Лиза.

– Русская?

– Родилась в Польше, в Лондоне живет с семи лет.

Слепнев сделал попытку выйти из-за стола, споткнулся, тихо выругался и направился к барной стойке. Афиногенов с тревогой наблюдал за его нетвердой походкой.

– Сереж, – обратился он к Колесникову, – и часто он вот так закладывает за воротник?

– Ты что! Нет, конечно! – рассмеялся Сергей. – Это он от избытка эмоций. Непривычно все тут, и не забывай, что мы только утром прилетели. Ни он, ни я ни разу до этого дальше Тарасова не выбирались. Твое письмо все перевернуло. Да ты и сам видишь. Черт тебя возьми, я все равно с трудом называю тебя по имени.

– Привыкнешь, – улыбнулся Илья Петрович. – И он привыкнет. Так что там с моим письмом?

– С каким? – не понял Сергей.

– С моим, – мягко, но настойчиво повторил Афиногенов. – Ты, наверное, говоришь про то письмо, которое я прислал Андрею по электронке?

– Если вы и раньше переписывались, то, подозреваю, болтали о чем-то другом, – заметил Сергей. – Но я сейчас говорю о том самом письме, единственном, которое он мне показал. В нем ты спрашивал про Лондон. И звал его сюда. Меня в твоём письме не было.

– Понял, понял... – успокоил его Афиногенов. – Признаюсь, что меня в свое время тоже сильно подкосил положительный ответ на высланное резюме. В хорошем смысле подкосил. Я сюда попал случайно. Наткнулся на вакансию, которую выложили на одном серьезном сайте. Помню, переживал из-за того, что мой английский вызовет смех у работодателя. Да и кому я нужен в этих туманах? А мне взяли и ответили. И пригласили на собеседование, которое, прикинь, состоялось по телефону. И когда я понял, что могу спокойно и правильно выражать свои мысли на чужом языке и понимаю все, о чем мне говорят, то стало ясно, что все складывается не просто так. Все к тому и шло. Я произвел положительное впечатление. Знаешь... пойду-ка я возьму нам с тобой кофе.

– А тут можно купить кофе? – удивился Колесников. – Я думал, что в пабах только пиво бывает.

– Не только, – успокоил его Афиногенов. – Оглянись, тут даже чай с пирожными есть. Он понизил голос и подался к Колесникову.

– А своему другу Слепневу передай потом, что если его увидят в таком состоянии коллеги, то он может поиметь серьезные проблемы на работе. Или они его поимеют, – негромко сказал Афиногенов. – И я никак не смогу его прикрыть. У тебя тоже не получится. И свою репутацию я тоже не хочу пачкать. Понимаешь меня, студент?

– Понял, – кивнул Колесников.

– Пойду, помогу ему.

Илья Петрович встал со стула и пошел навстречу Слепневу, который возвращался за стол с очередной кружкой пива.

Через полчаса был куплен кофе, который пили только Афиногенов и Колесников. Слепневу был подан апельсиновый сок.

– Иначе твое сердце получит под дых, а печень будет выплевывать свои зубы, – пояснил Илья Петрович такое неравное распределение напитков. – Ты же врач, Слепнев. Поэтому нагружай организм правильно.

Протрезвевший Андрей чувствовал себя опозоренным, но счастливым.

– Расслабился, – признался он. – Не каждый день по мировым столицам-то езжу.

– Хорошо, что на работу тебе через два дня, – заметил Афиногенов. – За это время можно понервничать и успокоиться. Ты, кстати, расскажи про жену-то. В вашей группе учились? Может, помню?

– Ритка-то? – Андрей качнул головой. – Нет, на курс ниже шла. Практика в одной клинике, все дела. Не успел оглянуться, а уже ей кольцо на палец надеваю.

– Она тоже хирург? – прищурился Афиногенов. – Может быть, и ее сюда привезешь? Я бы поговорил.

– Она ассистент анестезиолога, – поправил его Слепнев. – Но после того как сын пошел в садик, устроилась туда же обычной медсестрой.

– С финансами, наверное, не очень? – спросил Афиногенов, глядя на Слепнева поверх чашки.

– Есть такое дело, – вздохнул тот. – Дети требуют не только внимания и сил для высасывания последних нервов из родителей. Им еще нужно есть полезную пищу, одеваться во что-то, играть в правильные игрушки. Все это недешевое удовольствие. Сейчас Ритке с ребенком лучше остаться в Тарасове. Устроюсь здесь – буду думать. Спасибо за предложение, я был бы рад, но сейчас никак.

Илья Петрович вернул чашку на блюдце.

– Говорят, пока кофе горячий, можно поймать его настоящий вкус, – медленно произнес он. – А как остынет, так уже не то. А я вот люблю пить его слегка остывшим. Без всего. Без пирожных, без молока, без сахара или корицы. Это – приправы, не более. Чуть-чуть остывший черный кофе прекраснее всего. А горячий...

Он снова отпил из чашки. Слепнев и Колесников молча наблюдали за этим представлением, не понимая, к чему это все.

– Здесь не такие уж и заоблачные зарплаты, как может показаться на первый взгляд, – наконец вернулся из собственных мыслей Афиногенов. – Но есть одна тема, ребятки...

Слепнев кашлянул.

– Сейчас ничего говорить не буду, – подвел итог Афиногенов. – Главное, что вы оба здесь. Поработаете, освоитесь, а там решим, кого куда.

– Это точно, не надо торопиться, – сказал Колесников, лишь бы уйти от какого-то чувства неловкости, которое вдруг появилось откуда ни возьмись. Он встретился взглядом с Андреем, который уже пришел в себя и выглядел уставшим. Может, это совсем не неловкость, а эмоциональный передоз? Похоже на то.

Афиногенов в два глотка допил свой слегка остывший черный кофе.

– Ну что, братва, – широко улыбнулся он. – Напились, наелись? А теперь, может быть, все-таки поедим домой? Или под мостом ночевать собираетесь?

* * *

Пэркинс вернулся домой в восемь часов вечера. Поужинав, открыл ноутбук, ответил на несколько электронных писем. Позвонил дочери, которая недавно вышла замуж и уехала с мужем в Нигерию. Человек, с которым она решила связать свою жизнь, был компьютерным гением. Он решил, что Африканский континент загнется от компьютерной неграмотности. Дочь Пэркинса носила красивое имя Молли. Она была учителем и, пока ее муж натаскивал будущих негерийских хакеров, успела устроиться в школу преподавателем английского языка. По ее словам, тамошние детки были гораздо смысленнее тех, с которыми ей приходилось работать в Лондоне.

– Английские дети слишком избалованные, папа, – призналась она отцу. – Или я не умею поддерживать свой авторитет. Я и сама еще не выросла в каком-то смысле, и мои ученики не видят во мне учителя. А в Нигерии меня уважают и даже побаиваются. Как думаешь, почему так получается?

Пэркинс сочувствовал дочери, но помочь ей не мог даже советом.

Сегодняшний разговор с Молли был непродолжительным – подводила чертова связь. Они быстро распрощались. Пэркинс закрыл ноутбук, набросил на плечи легкую куртку, чтобы выйти на ежедневную прогулку. После смерти жены, которая случилась шесть лет назад, он решил, что в его жизни вполне может остаться работа, но никаких отношений он заводить не будет. Правда, стал ощущать тоску от одиночества во время вечерних променадов в ближайшем парке. Поэтому он посетил приют для животных, где и нашел себе друга – юркого пятнистого песика неизвестной породы. Пес оказался наглым и плохо воспитанным, Пэркинс четыре месяца приучал его делать туалетные дела на улице, а не на ковре в гостиной.

– Дай ему имя, наконец, – сказал как-то Афиногенов, зашедший к Пэркинсу в гости. – Вы вместе уже полгода, а ты все еще подзываешь его свистом.

– Его имя по паспорту просто отвратительно, – ответил Пэркинс. – Представь, его когда-то назвали Коломбо. Не знаю, что было в голове у этих людей. Какой из него Коломбо? Он лезет носом под хвост каждой встречной псине. Он воеет на пустой угол в коридоре. Зачем-то таскает диванную подушку из одной комнаты в другую, а потом обратно. Коломбо? Не смешите.

– Назови его хоть как-то, – не отставал Афиногенов. – Пока у него не будет имени, он так и останется без мозгов. А твоих на вас обоих не хватит. Ты знаешь, в России с дворнягами в плане имен не особенно церемонятся. Все зависит от высоты в холке и выражения собачьего лица. Выбирай.

– У меня никаких мыслей, поможешь?

– Назови его Токси. Он вряд ли будет против.

– Почему Токси? – удивился Пэркинс и посмотрел на пса, словно примеряя на него новую кличку.

Кличка села точно по размеру.

Пока Пэркинс одевался, Токси радостно лупил его хвостом по ногам.

– Секунду, Токси. Кажется, телефон.

Пэркинс не ошибся. На определителе высветился знакомый номер.

– У нас проблемы, – с яростью в голосе сообщил Илья Петрович. – Нужна кровь. Мы тут зашиваемся, черт тебя возьми.

– Все так плохо?

– Очень плохо, Джошуа. Поверь мне.

Пэркинс почувствовал сильное желание присесть. Он прекрасно понимал, о каком пациенте идет речь. О, он отлично разбирался в статусах тех, кто поступал в клинику не через главный вход. Эти люди не проходили регистрацию, а их лечение проводилось при неукоснительном соблюдении анонимности. До сих пор удавалось справляться без проблем, но сейчас, видимо, не тот случай.

– Что с ним? – спросил Пэркинс.

– Час назад. Четыре пулевых, одно из них «слепое».

Это означало, что одна пуля застряла в теле. Пэркинс, не отнимая телефон от уха, вернулся в комнату и опустился на диван. Токси крутился возле ног хозяина.

– Значит, необходимо переливание крови? – спросил он у Ильи. – Только говори спокойно и по существу. Лишь так я смогу тебя понять.

– Именно. Не могу говорить спокойно. Я звоню из пустой смотровой. Сюда могут зайти в любой момент.

– А в чем проблема? – не понял Пэркинс.

В неотложке, куда привозили анонимных пациентов, тоже было хранилище крови для срочных операций. У Пэркинса появилась слабая надежда на то, что Илья просто не нашел то, что было необходимо. Такое часто случается, если ты торопишься или сильно взволнован. – У нас нет нужной группы? Не пугай меня, Илья.

– Крови тут полно, – ответил Афиногенов. – Все руки по локоть в крови. Просто купаюсь в ней. Но все дело в том, что вся эта кровь ему не подходит.

Пэркинс закрыл глаза. Потом медленно выдохнул.

– Как... как это не подходит? – тихо произнес он. – Какая группа, я спрашиваю?

– Подожди.

Он отвлекся, отложив трубку телефона в сторону. Джошуа Пэркинс не мог знать наверняка, какая именно кровь хранилась в хранилище, которое находилось в главном корпусе. Но больше идти было некуда.

– Ты еще здесь?

– Ты точно все проверил? – на всякий случай решил уточнить Пэркинс.

– Абсолютно, – сказал Илья. – В неотложном отделении проверил все. Нет там того, что нужно. Отсутствует.

– Значит, так, – взял себя в руки Пэркинс, – придется идти в основное здание.

– Ты совсем мозги потерял?! – взорвался Афиногенов. – На каком основании я там появлюсь без документов? Попрошу отлить мне немного? А если потом решат проверить?

– Я назову тебе код для входа в хранилище, – объяснил Пэркинс. – Дальше – сам. Если кто-то тебя увидит, то можешь сказать, что шел мимо, услышал сигнал терморегулятора, решил проверить.

– А код я на ходу выдумал, а он возьми да подойди, да?

– Код я дал тебе на всякий случай, так и объяснишь. На твоём месте я был бы уже на пути к хранилищу, – холодно заметил Пэркинс. – Ты слишком много пререкаешься. Выбрал неподходящий момент.

– Ты, видимо, плохо меня знаешь, – оборвал его Илья. – А жаль. Давай код. Но пойду не я.

– А кто, боже мой? – не выдержал Пэркинс.

– Слепнев. Говори код. Я перезвоню в любом случае. И будь добр, ответь мне сразу. В ином случае я потяну тебя за собой.

Пэркинс продиктовал цифры. Он положил трубку на рычаг и «видел», как кто-то открыл электронный замок, зашел в хранилище и стал проверять один холодильник за другим. К сожалению, Джошуа Пэркинс не знал, в каком из них находится то, что искал Афиногенов. Поэтому он мысленно молился за него, за его русского друга и за себя так же сильно, как за благополучие собственной дочери, после того как она улетела в Нигерию. Страх заставил его забыть обо всем, что до этого заставляло его жизнь идти ровным ходом. Рот Джошуа Пэркинса был приоткрыт, он в нелепой позе сидел на диване, забыв о своей собаке, которая привыкла в это время задира́ть ногу около дерева. Мысли обо всем этом казались теперь ужасно неправильными и абсолютно ненужными.

Звонок заставил его вздрогнуть.

– Взял, – услышал он голос Ильи Петровича. – Надеюсь, получится. Вроде бы никто не заметил. Будь на связи. Возможно, самое трудное еще впереди.

Он отключился. Джошуа Пэркинс опустил руку с телефонной трубкой на колено.

– Токси, – позвал он, – дай мне пять минут, и мы пойдем в парк.

Токси был рад, что о нем не забыли. Через пять минут по пути к входной двери Пэркинс наступил в лужу, которую сделала его собака.

* * *

– Время смерти два часа одиннадцать минут, – тихо сообщила Лиза и посмотрела на мужа. – Илья, что будем делать?

Андрей Слепнев медленно стянул с кистей рук медицинские перчатки. Колесников последовал его примеру. Потом огляделся вокруг, глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Не видеть бы всего этого, подумал он, но вспомнил, как был счастлив, когда увидел свое имя в списках поступивших на первый курс медицинского университета. Казалось, все это осталось в какой-то чужой жизни. И он, прежний, тоже там остался.

Все вокруг было в крови. Она попала даже на стены этой небольшой операционной. В металлическом лотке, стоявшем на специальном столике, в темно-красной застывшей гуще покоилась пуля. Примерно час назад она вошла в тело человека, который совсем недавно дышал, думал, принимал решения, чего-то боялся и, возможно, кого-то очень сильно любил. А потом, уже внутри тела, эта пуля разлетелась на мелкие части, которые разорвали еще живому пациенту аорту и легкие. Еще три пули прошли навылет, проложив свои траектории через бедро, плечо и селезенку пострадавшего.

У него было очень мало шансов.

От мыслей о том, что где-то сейчас лежат эти три пули, которые славно исполнили свою работу, Сергею захотелось уменьшиться в размерах, провалиться сквозь пол операционной, отрастить крылья или податься в тибетские монахи. Главное, чтобы это помогло прийти в себя.

Он с таким тяжелым случаем еще не сталкивался. Слепнев, кажется, тоже. Положение дел усугублялось тем, что спасение этой жизни было тайным. Как подпольный аборт в жестокие времена.

А вот насчет Афиногенова у Сергея были сомнения. Он успел поработать в клинике несколько лет и всякое повидал. Его подруга Лиза часто ему ассистировала, они даже работали в одну смену. Однако и они, скорее всего, не подозревали о том, что их сегодня ждет.

– Так, – тихо скомандовал Илья, взглянув сначала на Слепнева, а потом на Колесникова. – Так. Все. Теперь точно все. Надо убрать тут, чтобы следов не осталось.

Он вышел из операционной, прошел по пустому коридору, очутился в отделении неотложки. Отыскал пустой кабинет, зашел в него и закрыл за собой дверь. Телефонные аппараты стояли в каждой смотровой, и ему не пришлось искать аппарат на улице.

– Не вышло, – наконец сказал он в телефонную трубку. – Не получилось. Сообщи им. Что? Я понял. Понял!

Андрей и Сергей переглянулись, когда он снова появился в дверях и угрюмо посмотрел на них. Мол, чего стоим, кого ждем? Надо было убираться, приводить в порядок помещение, заметать следы. Лиза, бросив тревожный взгляд в сторону Афиногенова, стала быстро собирать в контейнер использованные инструменты.

– Все свободны, – вдруг сказал Илья.

– Как это? – не поняла Лиза, застыв на месте с окровавленной салфеткой в руках. Еще несколько таких же уже лежало на дне мусорного ведра, которое она успела принести к операционному столу.

– Уходите, – устало ответил Афиногенов, – я сам все сделаю.

Колесников сразу понял, что это не тот момент, чтобы уговаривать, спорить, настаивать. Илья был в таком состоянии, в каком головой пробивают стены. Без боли. Лучше не лезть с сочувствием, а тупо слушаться. Но дружище Андрюха Слепнев, кажется, придерживался иной точки зрения.

– Илья, – начал он, – ты подумай...

Афиногенов просто повернул голову в его сторону. Этого хватило, чтобы Андрей захлопнул рот.

Лиза уходила из комнаты последней. Колесников успел заметить, как побледнело ее лицо.

Они вышли на улицу привычным путем, каким уже пользовались не раз за эти несколько месяцев – через пожарный выход. Лиза попрощалась с ними и пошла к своей машине, которую никогда не оставляла на служебной стоянке, а парковалась за углом клиники. Колесников вышел на дорогу и стал высматривать автобус.

– Слушай, – Андрей схватил его за плечо, – ты езжай. Я тут побуду. Все-таки, знаешь, душа не на месте. Мы там все были, а отдуваться ему одному.

– Не в первый раз отдувается, – заметил Колесников. – Выберется. Не просто так он нас выставил. Вон даже Лизу попросил свалить.

– Я дождусь, – решительно заявил Андрей. – Чувствую, что надо, понимаешь?

Сергей выругался. С сожалением посмотрел на автобусную остановку. Взглянул на Андрея, доставшего сигареты.

– Дай-ка и мне, – попросил Сергей. – Курить вредно, но иногда очень хочется.

Слепнев протянул ему пачку, щелкнул зажигалкой:

– А ты покури и забудь об этом, – посоветовал он.

– Так и будем стоять, как столбы, посреди дороги? – раздраженно спросил Колесников.

– Ну давай отойдем в сторонку, – предложил Слепнев.

Они курили и ждали. Вдоль дороги, по которой устало большими черными жуками ползли кэбы, горели фонари. На улице, кроме них, не было ни одного человека.

Лондону было плевать на то, что только что произошло.

* * *

В маленькой квартирке было светло – солнечная сторона, они с Лизой сами выбрали такое теплое жилище. А потом солнце им надоело, и они все чаще задергивали занавески.

На кухне этим утром пили все, включая Лизу. Только она налила себе вина, а трое, что общались между собой исключительно на русском, решили пройтись по водке. Правда, напиться ни у кого не получалось, как ни старались.

– Короче, – тихо сказал Илья. – Буду честным...

– Самое время, – подал голос Андрей, баюкая в ладонях почти пустой стакан. – Самое время поговорить о чести и честности. Можно еще честолюбие сюда добавить.

– Ты что-то имеешь против? – тяжело посмотрел на него Илья. – Претензии мне хочешь выставить? Давай. Ты прав – самое время.

– Ты не предупреждал о том, что придется воровать, – усмехнулся Слепнев. – Я думал, что у вас все схвачено. Если бы нас застукали, то ничего хорошего не вышло бы.

Лиза подошла к мужу и положила руку на его плечо.

– Тихо, – произнесла она. – Сначала минусы. Все на взводе. Все, и я тоже. Спасает только то, что я сейчас не одна. Нужно держать себя в руках. Ничего не исправить. Андрей, я благодарна тебе за то, что пошел с Ильей добывать кровь. Не испугался, не отказал ему. И тебе, Сережа, спасибо. Давайте думать о настоящем. Если уж такое случилось...

– Не могу понять! – ударил кулаком по столу Афиногенов. – Не могу понять, как вышло, что я не справился! Мы же все сделали как надо.

– Да там уже спасти нечего было! – повысил голос Андрей.

Сергей достал из пачки сигарету. Прикурил, задумчиво посмотрел на Илью.

– Когда ты предложил заработать, мы не знали, что нас ждет. Не думаю, что ты был готов к такой неудаче. Обвинять тебя в чем-то я лично не имею никакого права. Андрюха, я уверен, – тоже. С каждым бывает. Мы не боги даже при наличии редчайшей группы крови или толщины банковского счета. Многое зависит от состояния пациента. Этот был не жилец. Признай этот факт. Там давление рухнуло, сердце ламбаду отплясывало. Всем было понятно, что мы всего лишь попытаемся, но вряд ли удержим его на этом свете, разве нет? Понимаю, что говорю прописными истинами...

– Фигню какую-то несешь, – угрюмо заметил Андрей. – Какие-то истины, какие-то боги... Бесишь.

Афиногенов молча переводил взгляд с Колесникова на Слепнева и обратно. Он был неприятно удивлен тем фактом, что поддержку вдруг ему стал оказывать вовсе не его фаворит. Это заставило Серегу подняться в глазах Афиногенова.

– Давай-ка, я у тебя спрошу, – сказал Андрей, обращаясь к Илье, – а ты все начистоту выложишь. Потому что у меня такое ощущение, будто бы меня использовали, вывернули наизнанку и голого пустили по улице.

– Знаю я, о чем ты хочешь меня спросить, – ответил ему Илья Петрович, протягивая Лизе пустой стакан. – Плесни своего вина, а то не лезет эта водка вообще. И сделай им кофе, пожалуйста.

Лиза налила в протянутый стакан вина и отошла, чтобы заняться кофеваркой.

– Так вот, – продолжил Афиногенов. – С таким сложным случаем, как сегодня, я не стал-кивался. Хотя казалось, что многое умею и многое смогу. Ты, Андрей, заговорил о честности. Так вот, это честно. Ты сказал о чести. Вот знаешь, вообще не хочу сейчас ни пафоса, ни этих твоих мутных каких-то намеков на то, что я последний ублюдок, который готов вас подставить, лишь бы самому не замарать свое человеческое достоинство и чертову репутацию. Нет,

успокою тебя, такого не случится. Вся ответственность лежит на мне. Ты и Сергей были там, помогали, но отвечать все равно мне одному.

– Геройствуешь? – пьяно усмехнулся Слепнев.

– А похоже? – понизил голос Илья Петрович. – Я тебя, идиота, хочу спихнуть в сторону.

Вас обоих. Только так и выживете.

– С чего бы такая щедрость?

– С того, придурок, что о вас пока что толком не знают. Те люди, которые привозят нам таких... раненых, знакомы только с Пэркинсом, со мной и с Лизой. Пэркинс тут фигура бумажная, он как связующее звено, ну а я отвечаю за все накладки, если таковые случаются. Вот сейчас случилась такая накладка, с которой никто из нас не сталкивался. Значит, моя ответственность, понял? И как бы сильно я ни хотел все исправить, у меня не получится. Вот так вот.

Он залпом осушил стакан.

– Вот тебе моя честность, Андрей. Понимай, как хочешь.

Сергей затушил окурок в пепельнице.

– Какие наши действия, Илья? – спросил он.

– Молчать. Взять выходные, Пэркинс вопросов задавать не будет, это и в его интересах. А потом ходить на работу, как ни в чем не бывало. Если будут о чем-то спрашивать, то отсылать людей ко мне. Если будут угрожать, то резко забывать английский язык, а он у вас и так до сих пор звучит болезненно.

Лиза поставила на стол пустые кружки и колбу, наполненную горячим кофе. Сергей посмотрел на Андрея. Тот все-таки успел принять лишнего и, кажется, забыл о претензиях, которые высказывал совсем недавно Илье Петровичу.

– Вызову такси, – посмотрев на него, решил Колесников. – Лиза, кофе был бы кстати, но мне Андрея надо отвезти домой.

Лиза кивнула, посмотрела на мужа.

– Позвони, как доберетесь, – попросил Илья Петрович Сергея. – И будьте осторожны.

* * *

Колесников уложил друга в постель и пошел в гостиную. Выпивка не помогла ни расслабиться, ни забыться. Тревога постепенно перерождалась в страх, страх превращался в панику, которая не давала заснуть, и происходило все это в каком-то диком беспорядке, что очень мучило, прямо-таки скручивало в узел все внутренности.

На всякий случай он проверил оконные затворы и дверной замок. Задернул плотные шторы. Потом достал из шкафа рюкзак, уложил туда свой паспорт, в который спрятал все наличные, которые смог найти в квартире. Подумав, бросил туда же документы Андрея, пару футболок, свитер. Принес из холодильника бутылку воды и пачку печенья. Аккуратно обернул это газетой. Он метался по комнатам под уличный шум живущего нормальной жизнью города, который едва доносился до его ушей. Он не понимал, осознанно ли его решение или нет. Может, это были меры предосторожности. Может быть, он предвидел будущее. Может, он вообще выглядел идиотом, по непонятной причине затаившись в этой старой маленькой квартирке с замурованным камином в гостиной. Он еще не разобрался.

И вдруг он успокоился. Словно кто-то его выключил.

Ему стало не до истерик с воем на луну. Каждое действие он выполнял четко, конечности слушались, а мысли пошли ровными рядами. Но, конечно, он абсолютно точно знал, что в одиночку не справится. Поэтому Андрюхе, который был его лучшим другом, придется с ним согласиться, когда придет время.

Сергея Колесников готовил побег.

Глава 2

Мы вошли в парк и осмотрелись.

– Ну, как тебе? – спросила Ирка.

– Давно тут не была, – призналась я.

– А ты боялась, что здесь тоже будет жарко, – сказала она. – Глянь, вокруг тень, ветерок.

Ощущаешь?

Я пока что облегчения не почувствовала. Солнце жарило, как в последний раз. Мы стояли около главного входа, и под ногами разве что с тихим шипением не плавился асфальт. До ближайшей тени было метров сто. Мне это расстояние казалось непреодолимым.

– А более прохладного места тут нет? – спросила я.

Ирка задумалась.

– К речке можно сходить. Там точно легче дышится.

– Звучит чудесно, – согласилась я.

Мы свернули с главной аллеи на одну из тропинок. В парке их было много, и каждая в конечном итоге рано или поздно заканчивалась у речных берегов. Там должно было быть совсем не жарко. И мы бы добрались без приключений, если бы Ирка не решила вдруг срезать путь.

– По гипотенузе всегда быстрее, – объяснила она. – Мы почти на месте.

Я послушно свернула вслед за ней с тропинки.

– Девчонки, вы тут ключи случайно не видели?

Я обернулась на голос. Мужчина, задавший вопрос, казалось, не просыхал с Международного женского дня – настолько затасканно он выглядел. Верхняя часть гардероба отсутствовала, зато в наличии имелись черные спортивные штаны и синие резиновые тапки, надетые на босу ногу. Он был лохмат и небрит, но улыбка, которая засияла на его загорелом лице, была самой искренней. В одной руке он держал пластиковый стаканчик с прозрачным содержимым, а другую протягивал в моем направлении. Словно милостыню просил. И вышел на тропинку, по которой мы шли с подружкой Иркой, прямо из придорожных зарослей. Шагнул на нас как из преисподней.

– О, Танюха. Привет.

Вот уж, действительно, встретились два одиночества.

Я осмотрела мужика с ног до головы и, кивнув на стакан, заметила:

– Горе какое заливаешь?

– Знаешь что? – прищурился мужик. – Ты меня не видела, ясно? Забудь. Навсегда.

– Какие ключи ты потерял?

– Не я, а Санек, – мужик махнул рукой в сторону кустов. – Ключи от квартиры, от машины. Он там ищет, а я вот здесь решил посмотреть. Мало ли, может, он их тут обронил.

Я автоматически стала осматривать траву под ногами.

– Поэтому и квасишь? – не удержалась я.

– Я не в том возрасте и не в том месте, – фыркнул он. – Это «Боржоми». Зря не веришь, – он осмотрел себя и замолчал.

Ирка поглядела на меня, потом на моего собеседника.

– Ира, – перехватила я ее взгляд, – это мой давний знакомый. Я бы даже сказала, что настоящий друг.

– Ага, – сказала Ира.

Мужик запрокинул голову, опорожнил стакан. Пил он так жадно, словно только что выполз не из кустов, а из пустыни.

– Не сразу узнал тебя, – сказал он, вытерев рот ладонью. – Похудела, что ли.

– И я тебя не сразу.

– Давно не виделись, – подтвердил мой знакомый и внимательно поглядел на Ирку. – А знаете что, девчонки. Пошли со мной? Там Санек совсем загрустил.

Ирка посмотрела на меня с сомнением.

– Мы принимаем приглашение, – ответила я и взяла Ирку под руку. – Все нормально. Я ему доверяю. Думаю, в стаканчике у него действительно была минералка. А на внешний вид не обращай внимания. Просто, видимо, семью отправил на дачу, а сам решил расслабиться. Или играет роль алкаша, а сам наблюдает за периметром. Иными словами, сидит в засаде. Я права, подполковник Кирьянов?

– Девушка, – улыбнулся Ире Кирьянов, – в кустах у нас насиженное гнездо. Там я и мой сосед Санек поляну устроили. А еще из этих самых кустов отличный вид на речку. У нас там будут удочки, поэтому Санек периодически контролирует ситуацию. А вам мы нальем сок. Как раз тот самый случай, когда бояться нечего. Но я могу и за пивом сгонять для прекрасных дам. Правда, Тань?

– В таком виде, Вов, конечно, можешь, – кивнула я. – Но далеко не уйдешь.

– Извините, пожалуйста, – сказал Кирьянов. – Буду свободен еще два дня. А потом семья вернется с дачи. Ну вот я с соседом на рыбалку и выбрался. И да, мы квасим только «Боржоми», потому что Санек за рулем, да и слишком тепло нынче для возлияний. Мы с Татьяной коллеги, если что, – слегка поклонился он Ирке.

– Я думала, что «подполковник» – это кликуха, – молвила Ирка.

– Хм, – отреагировал Кирьянов, – а ведь похоже. Ну, эту тему можно развить и на берегу.

Прошу.

Он галантно раздвинул ветки, приглашая меня и Иру шагнуть в заросли.

– Девушки вперед? – уточнила я.

– Разумеется, – подмигнул Кирьянов и вдруг заорал так громко, что мы с подругой чуть не выронили сумки: – Саня! Ключи не нашел?

– Нашел! – донеслось издалека.

– Нашел, – радостно объявил нам Кирьянов. – Слава богу, честное слово. Саня! Прибе-
рись там! У нас гости.

* * *

Санек был молчалив и бородат и то и дело отходил к берегу, чтобы проверить снасти. Кирьянов этим не занимался, отдав свое внимание мне и Ирке.

Этот отрезок берега, который скрывали от посторонних глаз густые колючие кусты, словно был специально создан для отдыха. Рыбаки все устроили по уму. Тут были раскладные пластиковые стульчики, маленький походный столик, на котором нас ждало угощение в виде огромной миски, наполненной шашлыком, и довольно увесистого пакета с помидорами и болгарским перцем. Прилагались и приправы в виде кетчупа и горчицы, а также сок и минералка.

– Саша, – представился новый знакомый и попеременно пожал нам с Иркой руки. – Очень приятно. Очень.

Кирьянов предложил нам расположиться на стульях, а сам устроился на земле, постелив на нее полотенце.

– Угощайтесь, девушки. Был еще лаваш, но я его забыл купить.

– Спасибо, – заулыбалась Ира и подцепила вилок кусок мяса. – Тань, будешь?

– Не хочется. Жарко.

– А я попробую.

Шашлык Ирке понравился. Она вообще была ценителем этого блюда. И отлично умела подготавливать мясо для шашлыка, поэтому толк в деле знала.

– Прекрасно, – вынесла она вердикт. – Владимир, это вы шашлычок делали?

– Не я, – покачал головой Кирьянов. – Шашлыком у нас ведает Санек.

– Ага, – сказала Ира и поднялась со стульчика. – Пойду выражать ему свой личный респект. Заодно узнаю, в чем мариновал...

Она подошла к кромке воды, о чем-то заговорила с Саньком. Тот тут же поддержал разговор.

– Надо же, как мало человеку надо для счастья, – заметила я. – Всего-то найти такого же увлеченного.

Кирьянов перебрался с земли на освободившийся стул.

– Скажи мне, а ты что тут делаешь? – спросил он у меня.

– Не поверишь, но ничего. Совершенно. Мы просто гуляли.

– Выглядишь усталой, – заметил он.

– Голова гудит. – Я прижала руку ко лбу.

Кирьянов внимательно посмотрел на меня.

– Когда последнее дело закончила?

– Неделю назад.

– Головой нигде не прикладывалась?

– Нет.

– Не били тебя, точно?

Кирьянов был настоящим профи. Знал, какие вопросы надо задавать.

– Не били вроде бы.

– Лекарства какие-нибудь принимаешь?

– Витамины.

– Сколько спала в общей сложности за последние три дня?

– Нормально я спала, Вов!

– Спиртные напитки? Наркотики? Секс до потери пульса?

Я убрала руку от лица. Посмотрела на Кирьянова и увидела его серьезное лицо.

– Тань, – сказал он, – согласишься, все, что я перечислил, вполне можно отнести к причинам твоего недомогания, правда?

– Ты издеваешься.

– Я и не думал, – возразил он. – Симптомы на лице. Тебе нужно в отпуск. Неделя – это ни о чем. Думаешь, в парк выбралась, и готово?

– Ты издевался, – повторила я. – Нальешь «Боржоми»?

– Минуту, – сказал подполковник, наполнил стаканчик и вложил в мою руку. – Не торопись. Тебе нужно, я понимаю.

«Боржоми» имел температуру воздуха, которая была в районе тридцати по Цельсию. Пить это было невозможно.

– Помню, работала у меня одна сотрудница. Средних лет такая дама, все дела, – вдохновенно продолжал Кирьянов. – Нормальная тетка, но флегматичная, ужас. И вечно таблетки принимала. Как ни зайдешь к ней в кабинет – опять что-то в себя закидывает. Я думал, она болеет. Думал, что-то серьезное. Не может же здоровый человек целую аптеку с собой таскать. Оказалось, может. Оказалось, она сезонница.

– Это как? – не поняла я.

– Аллергия у нее почти на все. Но в периоды цветения идет обострение. Мог начаться яростный чих на запах чьих-то духов. А еще давление шалило. Зимой падало, а летом поднималось. Она его то снижала, то задирала специальным препаратом. Ты знаешь, что валерианку теперь можно купить в аптеке в виде таблеток? Я не знал, пока не увидел у нее эти таблетки. Желудок она тоже от чего-то лечила. А еще иммунитет у нее шалил. В общем, все эти «колеса»

давали такие побочные эффекты, что человек становился похожим на спящую муху, которую зачем-то разбудили зимой.

– Это все она тебе сама рассказала?

– Нет, – ответил Кирьянов. – Я просто наблюдательный.

– А как она себя сейчас чувствует?

– Не знаю, уволилась, – признался Кирьянов, нашел под ногами какую-то палочку и стал чертить ею на земле, не глядя мне в глаза. – Но она всегда застревала во времени. «А какое сегодня число?» – вот это был ее любимый вопрос. И за руль тебе нельзя садиться, ты имей в виду.

– Мы на автобусе приехали, Вова. Я захотела быть поближе к народу.

– Вот и молодец. Как чувствовала, мне бы твою интуицию, – подбодрил меня Кирьянов.

Я посмотрела на Ирку, которая уже сбросила обувь и стояла рядом с Саньком по щиколотку в воде. Сделала неловкий шаг, споткнулась. Санек сразу же подхватил ее под белый локоток. Если бы не он, то Ирка упала бы лицом в воду, но этого не случилось. Ирка засмеялась. Санек приосанился.

– Он тоже жену на дачу отправил? – спросила я, не отводя взгляда от этой истории любви.

– Санек чист, – обиделся Кирьянов. – Имеет за спиной четыре неудачных брака, – ответил Кирьянов. – Насколько я успел его узнать, скоро он снова будет томиться в поиске. А сейчас вроде как в законном отпуске, то бишь в разводе.

Отпуск. Вот то, о чем я совсем забыла. Прав Кирьянов, ох как прав. Я же работала последние несколько лет с короткими перерывами. А в перерывах даже не успевала восстановиться как следует, настолько они были короткими. Это со стороны кажется, что никаких последствий у рабочего процесса может и не быть. А если появятся, то с ними получится справиться. Ах, как самонадеянно с моей стороны было так думать!

– Мне просто надо отдохнуть, – изрекла я истину. – Я же сто лет не выбиралась даже за город.

– Лучший отдых – смена занятий, – сказал Кирьянов. – Мне тебя небо прислало, Татьяна.

Я посмотрела на Кирьянова, но насмешки в его взгляде не увидела.

– Я на автобусе приехала, – напомнила я.

Кирьянов отнял у меня пластиковый стаканчик, выплеснул теплый «Боржоми» в траву, наполнил стаканчик апельсиновым соком и протянул мне.

– Займи руки, пока я буду просить у тебя совета. Совсем запутался. Если бы не встретил тебя, то все равно бы позвонил на днях.

Шашлык уже совсем остыл. Вовка макнул кусок мяса в кетчуп, положил в рот и стал медленно жевать. Я терпеливо ждала, когда ему это надоест.

– Ты новости смотришь хоть иногда? – спросил меня Киря, вытирая руки салфеткой.

– Читаю их в Интернете, если получается.

– Убийство известного сосудистого хирурга ни о чем тебе не говорит?

Я попыталась вспомнить и не смогла.

– А что с ним не так, с этим убийством? Ты дело ведешь?

– Не я, бери выше. У начальства на контроле. Но по факту расследуем мы с ребятами.

Похоже на заказное.

– Ух ты, – не удержалась я. – Но только, Вов, ты на меня не рассчитывай, очень тебя прошу. Я только что осознала, что совершенно обессилена. Мне нужно отключить голову, и я думаю, что Тарасов вполне обойдется без меня, если я его покину.

– Ты не так меня поняла, Тань, – примирительно сказал Кирьянов. – Давай-ка, я тебе все в двух словах опишу.

– Не надо.

– А я попробую.

– Вов, я в отпуске. Мысленно уже одной ногой ступила на трап самолета.

– Неправда, – не поверил Кирьянов. – Никуда твоя нога не ступала.

– Ха.

– Но вторая-то нога еще тут?

Со стороны берега раздался вскрик. Мы с подполковником наблюдали за тем, как бородастый Санек спасает жизнь опять поскользнувшейся на чем-то Ирки.

– Все в порядке? – крикнул Кирьянов и повернулся ко мне. – Ее как зовут? Ира? Ира, прием, я вас не слышу!

– Ты не ранена, душа моя? – присоединилась я к вопросу.

– Да нет, – недовольно ответила Ира и вышла на берег. – Там в песке какая-то фигня скользкая, а под водой же не видно.

Санек согнулся пополам и сунул руку в воду. Через минуту поисков вытащил пластиковую бутылку, наполненную песком.

– Вот на этом вы и навернулись, – объяснил он Ире. – Видно, дети играли, а потом в воде свои игрушки и оставили.

– Ничего себе игрушки, – пробормотал Кирьянов.

– Спасибо, – поблагодарила своего спасителя Ира. – Никогда бы не догадалась.

– Обращайтесь, объясню, – ответил ей Санек, размахнулся и забросил удочку в воду.

– Да чего тут только не найдешь, – продолжил он и огладил бороду с видом мудрого старца. – Как-то был на Валдае. Тоже рыбачили там. Ох, что только на крючок не попадалось, ужас. Однажды чьи-то труссы подцепили. И смех, и грех.

– Да что вы говорите, – Ирка тут же вернулась в воду.

Кирьянов кашлянул.

– Тань?

Нет, все-таки плоховато у меня с простым, но твердым «нет». Особенно в отношении Владимира Сергеевича.

– Давай, рассказывай, – сдалась я и вынула из сумки сигареты.

– Дело вроде бы и прозрачное, а с другой стороны, слишком много вопросов, – обрадовался Кирьянов. – Пару дней назад как раз написал заявление на неделю за свой счет, уже нес на подпись, и тут нас дернули из дежурной части. Говорят, обнаружен свежий труп, соседи в шоке, жена в шоке, а все это случилось в элитном жилом комплексе. Да знаешь ты его. Который строили сто лет, а на его месте раньше был сквер со старой танцплощадкой. В общем, выехали мы.

– Бытовуха?

– Если бы. Там везде камеры и охранники, не комплекс, а Голливуд. А при нем стоянка. Недалеко от нее тело и обнаружили. Нас встретил сторож, он же охранник, он-то и нашел тело.

– Значит, труп был не на стоянке? – уточнила я.

– Между ней и подъездом дома. Сам подъезд прекрасно виден из сторожевой будки. Убитый мужик всего-то несколько метров до дома не дошел.

– То есть охранник видел, как жертва приехала за рулем автомобиля, а спустя какое-то время обнаружил труп?

– Смотри, – уселся поудобнее Кирьянов, – все ты верно подметила. Человек приехал на стоянку оставил там свою машину, направился к подъезду своего дома. Ну, условно, Тань. Охранник пообщался с ним в течение этого эпизода дважды: когда пропускал его авто на стоянку, и в момент, когда жертва покидала ее уже на своих двоих.

– То есть этот охранник не увидел того, что случилось дальше? Сам момент убийства пропустил?

– Ну, вот так вот, – развел руками Кирьянов, – не увидел. Он, в принципе, и не обязан следить за тем, что происходит за пределами вверенной ему стоянки. По его словам, получается

следующее. После того, как убиенный поставил машину и пошел к дому, охранник отвлекся. Уверяет, что всего на пару минут. Наливал из термоса в кружку чай. Согласись, так себе причина, но вполне верится. Момент нападения он пропустил еще и из-за того, что территория, которая находится непосредственно перед жилым комплексом, как я уже сказал, к его работе отношения не имеет. После того как он налил чай, он вышел из своей будки, чтобы размять ноги. Прошелся вдоль ограды и увидел лежащего на земле человека. Тут же побежал к нему, а когда заметил под ним лужу крови, сразу вызвал полицию.

– Опустили уже?

– Обижаеться, – ответил Кирьянов. – Сразу же. Документы были при нем в целости и сохранности, разве что кровь попала в бумажник и залила его банковские карты. Убитого зовут Андрей Александрович Слепнев, одна тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения. Сосудистый хирург. Личность у нас в Тарасове довольно известная.

– Причина смерти?

– Перерезали горло, – буднично сказал подполковник и потянулся за следующей порцией шашлыка. – Острым, ну просто очень острым предметом. Лезвие или скальпель. У убитого и шансов-то не было.

– О как, – вырвалось у меня. – А цель?

– Если бы было все так просто, – задумчиво произнес Кирьянов.

– Да я понимаю, Вов, – перебила я Кирьянова. – Бумажник не тронули, это уже говорит о том, что вряд ли это было ограбление. Иначе бы при нем и бумажника не оказалось.

– Вот, – поднял указательный палец Кирьянов. – Все ценные вещи на месте. Да и не ценные тоже. Часы, крестик на цепочке, банковские карты. Мало того, в сумке, в которой, помимо двух медицинских журналов и, не поверишь, пустого контейнера для еды, присутствовал нал в количестве восьмидесяти тысяч рублей, а также новенький планшет. Их тоже не взяли.

– Значит, ни сумка, ни ее содержимое внимания убийцы не привлекли...

– Видимо, не сильно-то это интересовало убийцу, – подтвердил Кирьянов.

Я внимательно на него посмотрела. Он многозначительно приподнял брови и склонил голову набок.

– Вов, неужели все-таки заказное убийство?

– Эту версию надо отработать, но все к тому и идет, – медленно кивнул мой друг. – Похоже на то. Другие варианты на ум не приходят. Но человек-то достаточно известный, и телевизионщики сразу пронюхали. Мы им пока что предоставили более легкий вариант интерпретации событий – убийство с целью ограбления. Не стоит разжигать в них интерес к тому, что произошло. Тем более что мы и сами не знаем всей правды, а им сразу подавай ответы на все вопросы.

– Согласна. Лучше им пока обождать в стороне.

Я задумчиво затушила сигарету о небольшой камень, который так удачно обнаружился под столом. Заказное убийство, надо же. Давно такого в Тарасове не происходило.

– В общем, дела там такие, – как ни в чем не бывало, продолжал Кирьянов. – Этот несчастный Слепнев не был замечен ни в чем, что могло бы столкнуть его с края собственной жизни. Был востребован профессионально. В контрактах ни с кем не состоял.

– Вов, рано еще, наверное, говорить о том, что никто не имел на него зуб, – перебила я подполковника. – Тебе ли не знать, сколько скелетов может обнаружиться у каждого из нас?

– Понятное дело, – согласился Кирьянов. – И это не окончательные выводы. Я тебе пока озвучил только то, что нам удалось узнать навскидку. Мы успели побеседовать кое с кем из его окружения, все говорят о нем с уважением. Даже с некоторой теплотой. Душевный был мужик, судя по всему. Но то сотрудники и пациенты. А вот в личной жизни у него было все не так гладко.

– А у кого в личной жизни бывает все гладко?

– У кого-то, наверное, и бывает, – сказал Кирьянов и посмотрел на своего соседа, который опять подробно что-то объяснял моей подруге. В руках у него при этом уже не было видно удочки – она перекочевала к Ирке.

Ира не была подругой моего детства или бывшей одноклассницей. С ней я познакомилась в парикмахерской пару лет назад. Да, в самой обычной парикмахерской, одной из тех, которые кто-то забыл обозвать модным словосочетанием «Салон красоты». Парикмахерская располагалась в центре Тарасова, на первом этаже обычной пятиэтажки, затерявшейся в кустах одичавшей сирени, и одному богу известно, как так получилось, что она просуществовала до наших дней. Занесло меня туда на нервной почве, когда я, увязнув в расследовании очередного дела, решила, что истину я непременно обнаружу в этой парикмахерской. Так оно и вышло. Под видом клиентки я завела разговор с мастером, которая выложила мне достаточно ценную информацию, которую я нигде не могла откопать. Мастера звали Ириной.

Обычно я не поддерживаю контакты, которые сама же и завязываю в процессе расследования, но Иркины руки оказались волшебными.

– Вот есть музыкальные пальцы, а у меня парикмахерские, – гордо говорила она.

Со временем я натравила на Ирку почти всех своих знакомых, и каждый остался доволен. Рука у нее и правда была легкая. Кроме того, моя новая знакомая оказалась очень простым и приятным в общении человеком. Она была одинокой мамой и воспитывала резвого четырехлетнего человечка Максимку, которому отдавала все свободное время. У Ирки не было своей машины, и я несколько раз помогала ей «рулем».

То расследование давным-давно окончено, виновных я вычислила, родная полиция помогла их скрутить. Я уже и имен никаких не помнила, а вот с Ирккой мы связь не потеряли, сдружились. Сегодняшняя вылазка в парк была ее инициативой. Я не особенно упиралась, когда она предложила прогуляться в этом месте. Я, как и она, тоже устала. Нам было необходимо проветриться. Ради такого дела она даже отвезла Максимку к его родному папе. Кто бы мог подумать, что в первых попавшихся кустах я найду полуголого Кирьянова, а Ирка пройдет краткий, но очень подробный курс по рыболовному делу?

Да никто.

* * *

– Слепнев не так давно развелся с первой женой. Развод, как рассказала его ассистентка, прошел совсем не спокойно. Бывшая жена, с которой он прожил очень долго, ниспослала на Слепнева целую орду адвокатов, но потом почему-то всех отозвала обратно.

– Наверное, все решили миром. А откуда ассистентке известны такие подробности? – усмехнулась я. – Или убитый с ней делился своими проблемами? Слабо верится.

– Или она не просто ассистентка, – продолжил мою мысль Кирьянов. – В любом случае, мне не показалось, что между ними что-то было. Скорее всего, девушка видела какие-то бумаги на его столе, отвечала на телефонные звонки в его кабинете, встречала неожиданных гостей. То есть была в курсе его дел, но невольно. Ассистенты зачастую и секретарями подрабатывают.

– А дети у него есть?

– Сын. Ему, кажется, восемнадцать.

– С ним вы еще не общались?

– Нет, Тань. До него руки не дошли. Как и до его матери. В принципе с новой супругой Слепнева разговора тоже не получилось. Рыдала так сильно, что «Скорую» пришлось вызывать.

– Все интереснее и интереснее...

– И не говори, – Кирьянов отпил воду из бутылки.

– Так, Вов, – подытожила я, – дело-то, хоть и темное, но мы такое с тобой уже видели, правда? Ты зачем мне все это рассказал?

Кириянов посмотрел на меня в упор.

– Иванова, – произнес он, – я прошу тебя о помощи.

– Ну нет. – Я достала из сумки сигарету, поднялась со стульчика и отошла в сторону. – Я в отпуске. Меня тут быть не может. Видишь меня? Так вот, это не я.

Кирия прищурился.

– У него друг есть, – вкрадчиво произнес он. – Некий Сергей Викторович Колесников. Они вместе учились, вместе какое-то время работали. Контакты Колесникова были в мобильнике убитого. Слепнев вообще мало кому звонил, чаще звонки поступали ему.

– Дай догадаюсь, – попросила я. – Колесников разговаривал с ним перед его смертью?

– Не прямо вот перед смертью, – улыбнулся Кириянов, – они редко созванивались в последнее время. Но да, общались. Тебе все это интересно, Тань, я же вижу.

Мне совсем не хотелось, чтобы Кириянов праздновал победу. Дело меня уже заинтересовало. Но и мысль о том, что я имею полное право послать этот интерес куда подальше, не сдавала свои позиции. Я прекрасно понимала, куда клонит подполковник. Сейчас попросит меня обработать всех свидетелей, докопаться до того, до чего вряд ли докопается рядовой оперативник, а все почему? Потому что Татьяна Иванова не только ценный внештатник, а еще и баба, которая на скаку хату остановит и в горящую лошадь войдет.

– Вов, – я достала из пачки еще одну сигарету, – ты же сам понимаешь, что и как надо делать. Я ведь тебе не нужна. Ты и сам справляешься.

– Этот Колесников, о котором я только что говорил, чего-то очень сильно боится, – закончил свою мысль Кириянов. – Очень. Настолько сильно, что я даже описать не могу.

– Ты уже беседовал с ним лично?

– Один раз по телефону, один раз у нас в отделе полиции. Он очень странно себя ведет. Защищается на ровном месте, отвечает на вопросы односложно, неохотно. Мнетя, как школьник перед директором. Иногда меняется в лице. Руки его ходуном во время допроса гуляли. Нет, Тань, я не говорю, что он-то и грохнул своего друга. Не похоже. Но, во-первых, может, и грохнул. Во-вторых, мне очень хотелось бы знать причину такого поведения. Не под стражу же мне его заключать в самом деле? На каком основании?

– Алиби у него есть?

– Пуленепробиваемое у него алиби, – Кириянов рубанул ребром ладони по собственному колену. – Вообще не придраться. В то время, когда Слепневу перерезали горло, его друга Колесникова видели несколько человек около его дома, а дом этот, на секунду, на другом конце Тарасова. Кого-то встретил, с кем-то поздоровался. Но чего-то боится.

– Или кого-то.

– Или кого-то, – согласился Кириянов. – У тебя с такими кадрами отлично получается ладить. Вот я и подумал, а вдруг это тот самый случай, когда человека пугает слово «полиция», а выражение «красивая женщина, которая работает частным детективом», наоборот, его расслабит. А, Тань? Поговоришь с ним?

Если бы я согласилась, то у Кириянова гора с плеч упала. Это меня и смущало. Не в том смысле, что я не хотела ему помочь – хотела, помогала. Но сейчас вдруг четко поняла, что мне очень нужен перерыв в трудовой деятельности. Со стороны, наверное, такая резкая перемена в мышлении кажется излишне нарочитой, даже пафосной. Да я и сама сегодня утром даже не думала про какой-то там отпуск, но оказавшись на берегу речки, глотнув апельсинового сока, а потом вдруг потеряв нить разговора, поняла, чего именно мне не хватало. Полной изоляции. Такой, чтобы все связи оборвать.

– Вов, – посмотрела я ему прямо в глаза, – ты знаешь, я всегда рада помочь. Но честное слово, чувствую, что сейчас от меня толку не будет никакого.

– Ладно, – Кирьянов откинулся на спинку стульчика, – понимаю. Сам порой день и ночь путаю. Живи.

– Спасибо.

Ира и Санек в прямом смысле слова смотали удочки и решили перекусить шашлычком. Кирьянов уступил Ире кресло, сосед Санек, покопавшись в пакетах, освежил настольный натюрморт виноградом и парой бутылок уже знакомого «Боржоми».

– Не пью, – предупредил он нас. – Жара. Не тянет. Да и за рулем я. И клева нет.

– Это плохо, – нахмурился Кирьянов. – А что с наживкой?

– А что ей делается? – ответил сосед.

– А покажи-ка, – потребовал Кирьянов.

Емкость с наживкой осталась на берегу, куда и отправились наши знакомые. Я украдкой посмотрела на Ирку, которая выглядела по-детски счастливой.

– Все в порядке? – спросила я на всякий случай.

Ирка молчала и улыбалась.

Санек с Кирьяновым довезли нас до автобусной остановки. Ирка замешкалась в салоне машины, а Кирьянов вышел вместе со мной.

– Если надумаешь... – начал он, – то я буду только рад. Вообще-то, Тань, я плохо себе представляю, как мне с этим Колесниковым разговаривать.

– Снова и снова, наверное, – предположила я.

– Так время-то идет. Мне надо и другие пути найти, чтобы дальше идти, а он все дело тормозит.

Ирка вышла из машины, убирая свой мобильник в сумочку.

– Ты еще будешь общаться с этим Колесниковым?

– Я его вызвал на допрос в понедельник. Но чую, так и продолжим стоять на месте. Главное, знаешь, что обидно? Он как будто боится, что его сделают виновным. И это при наличии стопроцентного алиби.

– Значит, есть что скрывать, – решила я. – Или психологическая защита срабатывает. Не всякий распахнет душу перед полицией. Намекни ему на то, что есть и другие способы общения. В более комфортных для него условиях. Они, конечно, будут ему стоить определенной суммы, но ему хотя бы протокол не придется подписывать. Тем более, если ему, как ты сказал, нечего бояться.

– Seriously? – обрадовался Кирьянов. – Возьмешься?

– Я помогу, Вов, – ответила я. – Дай ему мой номер телефона и невзначай оброни, что, мол, частный сыщик Татьяна Иванова и не такие узелки распутывала.

– Ты ж моя хорошая, – улыбнулся Кирьянов. – Спасибо тебе, Тань. Нет, спасибоще! С меня ящик «Боржоми». Нет, два!

* * *

В понедельник мне никто не позвонил. Я решила, что Вова смог справиться и без меня. Что ж, значит, отдыхаем.

Уже наступил вторник, и была половина первого ночи, когда я поняла, что на экране телефона «висят» два пропущенных вызова. Кто-то, кого я не знаю, пытался дозвониться до меня в тот момент, когда я делала вечерний заплыв в собственной ванной комнате.

Решив, что час ночи наступит только через тридцать минут, а со времени последнего звонка прошло не более пятнадцати, я решила срочно задать подполковнику пару вопросов.

На звонок Кирьянов ответил не сразу.

– Вова, – начала я как можно спокойнее, – не подкажешь, а твой скромный свидетель взял-таки мой номер телефона?

– Ты на часы смотрела? – поинтересовался Вова. – Я спал, между прочим.
– И я бы не стала тебе названивать, если бы твои жена и дети были дома. Но сейчас ты один.

– Все-то ты замечаешь, Татьяна, – вздохнул Кирьянов. – А чего хотела-то?

Я представила выражение его лица. О, он прекрасно понимал, что мне от него нужно.

– Мне сейчас дважды звонили с незнакомого номера, – пояснила я. – Судя по тому, что ты в выходные пытался склонить меня к сотрудничеству, а я опрометчиво согласилась, то, похоже, Колесников все же решил воспользоваться моими услугами. Я права?

– Подожди, – попросил Кирьянов. – Ты так все сложно объяснила.

– Чей звонок я пропустила? – прямо спросила я. – Не того ли мужика, который всего боится? Твой свидетель? Нет, не он?

– Он что, сейчас тебе позвонил? – уточнил Кирьянов. – Вот собака, а! Я же ему сказал, чтобы он завтра с тобой связался.

Голова сразу же заработала. Если незнакомый мне человек пытается связаться со мной ночью, значит, дело действительно неотложное?

Телефон завибрировал. Я взглянула на экран. На наш с Кирьяновым разговор наложился входящий вызов.

– Он опять пытается позвонить. Спи пока, – попрощалась я с Кирьяновым. – Я тебе через час перезвоню и расскажу, что удалось узнать.

Я провела пальцем по экрану, обрывая связь с подполковником.

– Алло? – прозвучал в трубке мужской голос. – Татьяна? Простите, я поздно, знаю. Еще раз простите, пожалуйста. Мне ваш телефон дал подполковник Кирьянов.

– Я так и подумала. Здравствуйте.

– Главное, что вы ответили. Вы скажите, когда перезвонить, и я перезвоню.

– Если что-то срочное, что не дает вам спокойно лечь спать, то можно и поговорить.

Его речь то и дело прерывалась извинениями, а в голосе слышалась тревога. И как бы я ни была на него зла, я уже понимала, что сделал он это неспроста. Мужчина нервничал, с трудом справлялся с эмоциями, хоть и старался. Ему явно нужна была помощь.

– Меня зовут Сергей Колесников, – наконец представился он. – Моего друга Андрея Слепнева убили несколько дней назад. И теперь мне чертовски страшно.

* * *

Я успокоила его ровно до такого состояния, в котором он мог бы продержаться до утра. Разговор все равно не клеился. Утром я позвонила ему сама. Мы договорились встретиться, он назвал адрес и время. Но до этого я непременно хотела выцарапать у Кирьянова кое-какие сведения о Колесникове и Слепневе.

– Я не думал, что он докопается до тебя ночью, – покаялся Кирьянов. – Если честно, я и не предполагал, что он настолько... нетерпелив. Тань, ну правда.

– Может, попутал день и ночь, – предположила я.

– Такой может, – ответил Кирьянов. – Тут мои ребята нашли кое-что в ноутбуке Слепнева. Думаю, сейчас ты перестанешь злиться. Оказывается, он и Колесников двадцать лет назад работали в Лондоне в какой-то больнице. И совсем недавно Слепнев снова попытался туда вернуться. В его почтовом ящике сохранилась переписка с неким Майком Строуби. Слепнев спрашивал у него про возможность своего переезда в Англию. Строуби ответил ему, что будет рад его видеть. Слепнев попытался выяснить подробности про оформление визы и прочих разрешительных документов. И вот тут Строуби повел себя очень интересно. Он ответил Слепневу коротким сообщением. Что-то типа того, что не только он будет рад видеть его в Лондоне,

потому что за Слепневым числится долг, который непременно нужно будет вернуть. Какие-то старые знакомые уже ждут его изо всех сил.

– Как давно случилась эта переписка?

– Последнее письмо Слепнев получил за два дня до убийства.

– Ты хочешь сказать, что переписка и убийство Слепнева как-то связаны? – спросила я. – Отметать ничего нельзя, а такие совпадения – тем более.

– Все может быть, – согласился Кирьянов. – Но я не закончил. Есть у меня один сотрудник. Перевелся недавно. Молодой парень, старлей и весьма увлеченный всякими хакерскими прибамбасами человек. Я ему подсунил ноутбук убитого, изъятый из его рабочего кабинета. Мой помощник-то и обнаружил, что Слепнев никогда не переписывался с Майком Строби.

– В смысле? – не поняла я.

– Почту Слепнева вскрыл другой человек. И общался от его имени.

– Да ну, бред какой-то, Вов.

– Убитый практически не пользовался своим электронным почтовым ящиком. Давным-давно его забросил. Ему хватало общения по телефону и служебной почты, доступ к которой был у его секретаря. Во всяком случае, так говорят те, кого мы успели опросить. Слепнев очень плохо разбирался в таких вещах и не скрывал этого от окружающих.

– Как давно он перестал использовать электронную почту?

– Последнее время он получал только рекламные письма по рассылке с сайтов автомобилистов или с форумов, где дают медицинские консультации. Видимо, он просто не отписался от всей поступающей на почту ерунды. И ни с кем не вел переписку. Однако с этим самым Майком Строби он все же заговорил, причем написал ему первым.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – поинтересовался Кирьянов.

– Как твой сотрудник узнал, что на входящие письма отвечал не Слепнев, а кто-то другой?

– Легко, – хмыкнул Кирьянов. – Убитый бегло разговаривал на английском, но всякий раз, когда нужно было перевести какой-то текст, обращался за помощью к секретарю или ассистенту. Он совершенно не умел писать на английском и плохо переводил тексты. Но на слух все воспринимал блестяще.

– Знакомо, – заметила я. – Прямо моя история. Говорить на английском могу, слова складываю в предложения, поддерживаю диалог, но если попросить составить письмо, то я сяду в лужу.

– Вот. Письма Слепнева были очень грамотно написаны. Он бы так не смог.

– Слушай, Вов, а не мог он просить кого-то отвечать от своего имени, а сам при этом стоять рядом? Почему ты решил, что он вообще не был в курсе этой переписки?

– Стой-стой, – прервал меня Кирьянов. – Я не говорил, что Слепнев был не в курсе. Может, он знал, но не хотел вмешиваться. Может быть, просто предоставил пароль от своего почтового ящика кому-то еще.

– Кому-то, кто отлично шарит в иностранном языке. А еще доступ к личному почтовому ящику предоставляется только самым близким людям, – сказала я.

– Или тот, кто писал от имени жертвы, просто воспользовался тем, что сама жертва мало что понимает и вряд ли догадается, о чем идет речь в письмах, – закончил мою мысль Кирьянов.

– Зайти в свой почтовый ящик человек может с любого гаджета, – продолжала рассуждать я. – Ты сказал, что Слепнев давно не просматривал почту с ноутбука? Или не говорил? И твой сотрудник поработал хакером, правильно?

– Правильно. Взломал почтовый ящик Слепнева и нашел там недавнюю переписку, – ответил Кирьянов. – Конечно, никакой экспертизы не проводилось, «почерки» не сличали, но мой человек отлично знает англиш. И он посеял сомнения относительно авторства.

– Ладно, Вов. Я скоро выдвигаюсь на встречу с твоим Колесниковым. Попробую покопаться в его фобиях.

– Спасибо, Тань. И держи меня в курсе, – попросил Кирьянов. – Без правдивых показаний этого свидетеля мы можем забуксовать. Или будем очень долго копаться в этом туманном убийстве.

– Я тебя поняла.

Распроставшись с Кирьяновым, я начала собираться на встречу. Сергей Колесников назвал адрес, по которому я должна была приехать, и я полезла в Интернет, чтобы выстроить маршрут, так сказать, с высоты птичьего полета. И каково же было мое удивление, когда я обнаружила, что Колесников назначил свидание на территории бывшего цементного завода, построенного в начале прошлого века на окраине города. Сейчас корпуса завода предприимчивые дельцы растащили под склады и ремонтные мастерские, но на территории находилось также несколько кофейных франшиз типа «Кофе с собой». В одной такой кофейной точке меня и обещал ждать Колесников.

Если честно, я напряглась. Почему человек хочет встретиться чуть ли не за чертой города? Почему не ближе к центру? Там же бетонные и кирпичные корпуса, на которых только вывески выглядят живыми.

В памяти всплыли слова Кирьянова о том, что Колесников во время допроса выглядел испуганным. А если его туда, на эти пыльные и полузаброшенные территории загнал тот же страх? Ведь я тоже услышала тревогу в его голосе. И почти что мольбы о прощении. Человек как будто бы чувствовал себя виноватым.

Я снова позвонила подполковнику.

– Вов, а нельзя ли поближе познакомиться с твоим хакером? Хочу взять его с собой.

– Попробуй. Телефон сейчас сброшу. Скажешь ему, что я тебе не тамбовский волк, а старый товарищ, – сразу же принялся учить меня Кирьянов. – Разрешаю намекнуть на наши давние плодотворные отношения. Его имя Виктор.

– Давай номер.

– Лови.

Оставалось поговорить с Виктором, который сразу же согласился сопровождать меня на встречу. Пообещав заскочить за ним через час, я наконец-то могла спокойно привести себя в порядок.

* * *

Виктора можно было назвать старшим лейтенантом с очень большой натяжкой. Футболочка с логотипом NASA, джинсы, круглые солнцезащитные очки на кончике носа. Обаятельный симпатяга. С чего бы его занесло вдруг работать в органы?

– Здравствуйте, – весело плюхнулся на пассажирское сиденье Виктор. – А вы Татьяна, мне про вас подполковник рассказывал.

– И когда успел?

– Сразу после вашего звонка.

Кирьянов, видно, основательно погрузился в расследование, если был готов отпустить со мной своего сотрудника, с которым даже провел предварительный инструктаж.

– Витя, – попросила я, – пока мы едем, расскажешь мне о той переписке убитого Слепнева с Майком Струоби?

– Конечно, – легко согласился Витя. – Я почти уверен, что аккаунт Слепнева был либо талантливо взломан, либо сам он когда-то дал кому-то пароль. В любом случае интересующая нас переписка вышла короткой, не очень содержательной, но есть в ней некая недоговоренность. Нечто трагическое. Я бы даже сказал, намекающее.

– На что?

– На опасность. На тайну. Ну представьте, сначала вам рады, а потом вдруг дают понять, что вы по уши в проблемах. А вы и думать об этом забыли.

– Откуда ты знаешь, что у Слепнева... или кто там писал от его имени... что у него проблемы?

– Ну, он не стал отвечать Майку Строби на его последнее письмо... А еще я умею читать между строк. Я вообще эмпат.

– А, – кивнула я. – Может, они просто сменили переписку на другой способ общения?

– Кто? – не понял Виктор. – Строби и тот, кто ему отвечал от имени Слепнева?

– Ну да.

– Ага. Они встретились, – поддержал мои фантазии Витя. – А теперь Слепнев лежит в морге с перерезанным горлом. Нет, тут точно есть связь. И я постараюсь узнать имя человека, который отвечал из Англии на его письма.

– Постарайся, для этого тебя и позвала.

– Есть у меня одна программка...

– Только не беги впереди паровоза, договорились? Расследование веду я, ты – помощник, – напомнила ему я. – У меня своя стратегия, немного отличающаяся от той, какую применяете обычно вы.

– Да понял я, понял.

Мы подъехали к выезду из города. В дороге нам нужно было провести еще минут десять, не больше – бетонный завод был совсем близко.

– А Колесников тебя в лицо знает? – спросила я.

– Не виделись, – покачал головой Виктор. – А что такое?

– Пока не знаю, – призналась я. – На ходу придумую.

– Я готов к любому повороту, – улыбнулся Виктор и посмотрел на меня поверх своих круглых очков.

– Пойдешь со мной, – решила я. – Если разговор вырвет на тему переписки, то очень прошу тебя внимательно слушать, что он говорит. Есть сведения, что Слепнев и Колесников вместе работали в Лондоне. Моя задача выяснить, что случилось потом.

– Понял, – протянул Виктор. – Думаете о том же, о чем и я?

– Я не знаю, о чем ты думаешь.

Машина подъехала к шлагбауму, преграждающему въезд на территорию завода. К машине подошел охранник.

– Куда? – спросил он, наклоняясь к моему окну.

– Корпус восемнадцать, – ответила я.

– Там столовая.

– В курсе. Хотим поболтать насчет аренды.

– Пропуск есть? – поинтересовался охранник.

– Пропуска нет, – опередил меня Виктор. – Мы пока что мониторим возможности.

Охранник кивнул и поднял шлагбаум. Мы беспрепятственно попали на охраняемую территорию. Оставалось найти корпус номер восемнадцать и место, куда можно поставить машину.

Витя молчал. Наверное, вживался в роль.

На корпусе с нужной цифрой была одна вывеска – «Столовая». Из дверей вышли несколько человек в рабочих комбинезонах.

– Кажется, мы на месте, – весело сообщил Виктор, глядя вслед симпатичной девушке. – Пообедаем?

– Придется, – ответила я и заглушила мотор.

Глава 3

– Остановись, – притормозила я Виктора. – Дай-ка я сначала ему позвоню. Уж слишком тут все запутано. Гаражи какие-то, заброшенные каменоломни. Что это вообще? Может, мы не в то место приехали.

– Может, и не в то, – согласился Виктор. – Но я вот навигатор в телефоне держу, и он утверждает обратное. Думаю, тут какой-нибудь портал запрятан. Через него на клиента и выйдем.

Мы выбрались из машины, я достала мобильный телефон. Колесников сразу же ответил на звонок и сказал, что давно нас ждет.

– Он на месте, – позвала я Виктора. – Ты все помнишь? Не подведешь?

– Да, шеф. Не подведу, шеф.

На улице было очень жарко. Наверное, внутри помещения тоже. Там, где готовят еду, редко дует освежающий ветерок. Но в столовой, где нас ждал Сергей Викторович Колесников, вопреки моим ожиданиям было прохладно. Этому способствовала хорошо работающая вентиляция и большая площадь зала, в котором мы оказались.

Посетителей было маловато. Видимо, время ленча у многих «плавало». Слева от входной двери располагался широкий прилавок, за которым сновали две продавщицы. Они лихо справлялись с кофемашиной и огромным холодильником, но тем не менее возле прилавка в столовой стояла небольшая очередь из желающих подкрепиться.

Колесникова я узнала сразу. Какой-то мужчина одиноко сидел в самом дальнем углу зала под огромными настенными часами и внимательно смотрел на входную дверь. Кроме этого мужчины остальные посетители сидели за столиками по двое и более человек.

– Витя, это, кажется, он.

Я направилась к нему первой. Виктор шествовал позади.

– Сергей Викторович? – поинтересовалась я, подходя к столику.

– Да, – улыбнулся мужчина. – А вы, полагаю, Татьяна.

– Все верно, – кивнула я и отступила в сторону, чтобы явить Колесникову Виктора во всей красе. – Это Виктор, мой помощник. Лицо доверенное, не сомневайтесь.

Виктор с тоской посмотрел на пустой стол.

– Куплю что-нибудь поесть, – решил он. – Могу и вас угостить.

Мы с Колесниковым переглянулись.

– Витя, поешь потом, – я выразительно поглядела на своего помощника, но он сделал вид, что не усмотрел никакого намека в моих словах.

– Почему потом-то? – удивился он. – Я голодный. Что кому прихватить?

– Спасибо, мне ничего не надо. У меня с собой бутылка воды, – сообщил Колесников. – Этого достаточно. Может, попозже сам что-нибудь куплю.

– А вам? – обратился ко мне Виктор.

Фиг с тобой, подумала я. Если сам предлагаешь...

– А мне тогда компот, – решила я. – Или морс. Наверняка тут что-то подобное есть. Главное, чтобы холодное.

– Есть, шеф.

Виктор удалился. Я села за стол, бросила сумку на свободную табуретку.

– Далеко пойдет, – уверенно протянул Колесников. – Я думал, что вы работаете одна.

– Передаю опыт, – не моргнув глазом, сказала я сушью неправду. – Могу показать вам удостоверение.

– Буду признателен.

– Извините, сразу не догадалась это сделать.

Колесников мельком взглянул на ксиву и махнул рукой.

– Уберите. Там может быть написано все, что угодно, – пробормотал он. – Я все равно долго в этом буду разбираться, сомневаться и в конце концов ничего не пойму. Я доверяю подполковнику Кирьянову. Мне он показался серьезным человеком.

Перед глазами некстати встала картина: полуголый Кирьянов со стаканом в руке, спотыкаясь, медведем выламывается из кустов, после чего мы с Ирккой скрываемся в тех же кустах.

– Владимир Сергеевич таковым и является, – ответила я. – Честнее и порядочнее еще поискать.

Колесников едва заметно улыбнулся. Хорошо, что без сарказма.

– Вот, – вернувшийся Витя поставил передо мной стакан с жидкостью малинового цвета. – Клюквенный морс. Там еще смузи у них есть, но я не стал рисковать.

– Садись уже.

Виктор устроился по мою правую руку.

– Давайте к делу, – попросил Колесников.

– Давайте, – согласилась я и достала из сумки диктофон. – Не возражаете?

– Если это необходимый атрибут... – развел руками Колесников.

– Необходимый. Запись нашего диалога очень облегчит ход расследования, – заметила я и нажала кнопку, включив режим записи. – Слушаю вас.

Сергей Викторович замялся. Ничего удивительного в этом не было – многие мои клиенты не знают, с чего начать. Мысли начинают танцевать ламбаду, логика ложится баиньки, а нервы, наоборот, устраивают вечеринку. Когда я вижу, что мой собеседник находится в таком состоянии, то пытаюсь незаметно облегчить его жизнь и свою работу.

– Вы обратились ко мне с просьбой разыскать того, кто причастен к смерти вашего друга, – сказала я. – Андрея Александровича Слепнева, правильно?

– Да, – едва слышно ответил Колесников. – Простите. То, что случилось... чудовищно. Нелепо. Жутко.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещала я. – Поэтому попрошу вас рассказать все с самого начала.

– О чем именно я должен рассказать? – не понял Сергей Викторович.

– Давайте начнем с истории ваших отношений, – предложила я. – Как давно знакомы, как часто общались, где вместе работали.

Колесников достал из своей сумки бутылку воды и сделал большой глоток.

– Мы с Андреем давно знакомы. В какой-то момент нас даже, наверное, можно было назвать лучшими друзьями, – начал Колесников. – Не то чтобы не разлей вода, но в один вуз подали документы, как само собой разумеющееся. И после вуза пошли работать в хирургию одной больницы.

За моей спиной послышался чей-то смех. Колесников напрягся.

– Значит, вы продолжительное время поддерживали связь, – уточнила я.

– Да, – отстраненно ответил он, – так и было. Дружили семьями. Вернее будет сказать, что это я дружил с его семьей. Он рано женился, и мы часто проводили время вместе. Его жена Рита тоже работала с нами, только в отделении анестезиологии, но после рождения сына уволилась. Устроилась медсестрой в детский сад, чтобы быть ближе к ребенку. Тимка часто болел, был каким-то хлипким. Ничего серьезного, слава богу. Просто слабый иммунитет, но Андрей и Рита потратили кучу времени и денег, чтобы исключить у него тяжелые диагнозы.

– Рита – это жена Слепнева, а Тима – его сын, правильно? – встрял в разговор Виктор.

– Совершенно верно. Тимофей и Маргарита, – ответил Колесников и посмотрел в окно.

Я решила не подталкивать его рассказ в нужном мне направлении. Дала ему полную свободу. Пусть говорит о том, о чем хочет. В смерти Андрея Слепнева было много непонятных моментов, и если требовать от его лучшего друга только правильных ответов, то далеко мы не

уйдем, а еще больше запутаемся. Поэтому сейчас я вся превратилась в слух и зрение, решив применить настойчивость при ведении допроса чуть позже.

– В вузе мы сдружились с преподавателем, – продолжал Колесников. – Вы не подумайте, что я мемуары зачитываю. Отнюдь, это был важный фрагмент в нашей жизни. Не мы к преподу прилипли, нет. Скорее, это он отозвался, потому что Андрюха постоянно сам к нему приста-вал со всякими вопросами, ответы на которые не получал по время лекций или на практике. Какому учителю будет неприятен такой момент? Думаю, таких не найдется.

– А как звали преподавателя, не помните? – снова подал голос Виктор.

– Ну почему не помню. Прекрасно помню, – ответил ему Колесников. – Илья Петрович Афиногенов. Он был немного старше, но поначалу обращался к студентам по имени и отче-ству. «Андрей Александрович, а что там у вас с курсовой?», «Сергей Викторович, вы зачетку потеряли». Знаете, такие люди, как Афиногенов, уходят из племени студентов, все равно оста-ваясь с ними рядом. Где-то в глубине души. И не торопятся покидать родной вуз. Становятся доцентами, пишут диссертации. Некоторые совмещают врачебную практику с преподаванием. Вот Илья Петрович и был именно таким. Но конечно, небольшая разница в возрасте тоже сыг-рала свою роль. Он не был занудой или снобом, который свысока смотрит на студентов. Он умел увлечь, повести за собой. Поэтому Андрюхины вопросы тоже были ему интересны. Воз-можно, даже тешили его тщеславие. А я был не таким, как Андрей, нет. Совсем другим...

Он задумался, замолчал.

– А каким вы были? – улыбнулась я. – И каким был Андрей?

– А это так важно? – усмехнулся в ответ Колесников. – Ведь если вдуматься, то делу это мало поможет.

– Делу помочь может все, что угодно, – заметил Витя. – Любая мелочь, любой факт, любое воспоминание. Что-то не несет никакой смысловой нагрузки, а что-то работает как мая-чок. Тут главное – понять, что именно.

Колесников после Витинога замечания заметно расслабился, даже лицо просветлело.

– Я был другим, – повторил он. – Андрей из когорты искателей, а я из тех, кому проще находиться за спиной у лидера. Мне вполне хватало тех знаний, которые я получал в вузе или осваивал во время практики. Поэтому с удовольствием слушал разговоры Афиногенова с Андреем, даже мог вставить свое веское слово, но не рвался спасать мир в глобальном смысле этого слова. А вот Андрюха рвался. Представьте, они даже спорили о методах оказания первой медицинской помощи человеку в условиях субтропического климата! Обсуждали риски зане-сения инфекции при обработке ран без применения антисептиков. Смешно было их слушать...

Нет, конечно, я занимался саморазвитием, повышал квалификацию, мне были интересны новые открытия и разработки в медицинской отрасли, но... Я прекрасно понимал, что все новое основано на старом добром опыте. Да и возможностей опробовать те же новые методы не представлялось.

– Почему? – подхлестнула я память Колесникова.

– Такому надо обучаться в мировых университетах, там условия лучше, там несколько иное оборудование. А для этого необходимы большие деньги или, если ты студент, иные воз-можности. К примеру, связи, которых у меня не было. Я решил, что больше пользы принесу, если буду помогать людям тем, что хорошо умею делать.

– И что же это?

– Я был неплохим хирургом. Без ложной скромности говорю.

– Почему-то я так и подумала.

– Спасибо, – шуточно поклонился Колесников. – Многим, кто слышал от меня эти слова, они не нравились. Людям казалось, что я выпрашиваю признание, а это совсем не так.

– Мне так не кажется, – помотал головой Виктор. – Клянусь, честно говорю. Ничего вы не выпрашиваете.

– Благодарю. На чем я остановился...

– На том, что ваш друг и преподаватель водили знакомство, – подсказала я.

– Совершенно верно. Правда, не совсем знакомство. Но Афиногенов определенно выделял Андрея из числа остальных. Ни о какой дружбе или приятельских отношениях речи не шло, – возразил Колесников. – Это важно. Афиногенов всегда держал дистанцию, и Андрей соблюдал границы во время общения. Есть еще одна причина тому, что Слепнев тянулся к нашему преподу. Тот, как я уже сказал, был всего на несколько лет старше нас, но уже добился признания у своих старших коллег. По всем статьям. И как учитель, и как врач. И не скрывал, что, возможно, попробует реализовать свои амбиции за границей.

– В какой роли он хотел реализовать свои амбиции? – спросила я.

– В области медицины, разумеется, – ответил Колесников. – Как-то упомянул в разговоре, что скоро, возможно, на время покинет страну, но потом вернется. Непременно вернется. Так он и сказал. А так как сказано это было совершенно серьезно, то, естественно, Андрюха тоже загорелся этой идеей. Знал бы он, что мечты сбываются, может, и не поехал бы, – закончил Колесников.

Вот оно. Я решила схватиться за шанс узнать то, о чем мне сказал Кирьянов – о причине страхов Колесникова, природу которых он тщательно скрывал.

– Почему вы так думаете? – сразу спросила я.

– Не имеет отношения к делу, поверьте.

Эх, как я неудачно «подсекла». Сорвалась рыбка с крючка. Жаль, очень жаль.

Витя внимательно рассматривал экран телефона.

– Сергей Викторович, – решила я пойти другим путем. – Давайте вернемся обратно. Вашего друга постигла жуткая участь. Моя задача – разобраться в причинах, которые к этому привели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.